

УДК 343.41

П.А. КАБАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент

*Набережночелнинский филиал
Института экономики, управления и права (г. Казань)*

ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ

В статье рассматривается базовое понятие нового междисциплинарного направления – криминальной политической виктимологии (ядром которой являются жертвы политических преступлений и злоупотреблений властью). С использованием современной виктимологической и криминологической литературы раскрывается сущность жертв политических преступлений. Впервые в отечественной юридической науке на основе действующего российского виктимологического законодательства и иных правовых источников автором производится криминологическая классификация жертв политических преступлений на относительно самостоятельные виды.

В современной отечественной криминологии и других юридических науках существует множество концепций, рассматривающих в качестве основного объекта исследования жертв преступлений, которые достаточно подробно описаны и объяснены в научной и учебной литературе. Каждая виктимологическая концепция, в зависимости от отрасли знания и субъективных пристрастий исследователей, по-своему раскрывает содержание, объем и значение базового термина – «жертва преступления».

В широком смысле криминологический термин «жертва преступления», как правило, относится к любому человеку, социальной группе или объекту, которому причинен вред преступной деятельностью других лиц. Однако данное рабочее определение не идеально и до сих пор является дискуссионным в научной среде. Одни специалисты полагают, что жертвой преступления могут быть только физические лица [1, с. 35; 2, с. 4; 3, с. 7; 4, с. 5; 5, с. 7; 6, с. 110; 7, с.10]. Другие - относят к жертвам преступления не только физических, но и юридических лиц [8, с. 82–90; 9, 10; 10, 143; 11, с. 14; 12, с. 8; 13, с. 24]. Третьи, дополнительно к физическим и юридическим лицам, - считают жертвами преступлений и преступности социальные группы, институты, общности [14,

с. 182]. Четвертые – значительно шире подходят к содержанию и объему термина «жертва»: дополнительно к названным выше категориям, таковыми они считают общество, государство и международный порядок [15, с. 350–351].

Не вступая в дискуссию по данному сложному теоретическому вопросу, вызванную различными факторами, мы лишь обозначим свою позицию по содержанию данного термина, которая заключается в том, что понятию «жертва преступления», в том числе и «жертва политического преступления», мы придаём самый широкий смысл. На наш взгляд, этим термином должны охватываться не только физические и юридические лица, но и социальные группы (общности), государство и общество, их институты и международное сообщество, которым наносится вред различного рода. Такой (широкий) подход, по мнению авторитетного отечественного специалиста, профессора В.Е. Квашиса, позволяет детализировать объекты научного исследования [16, 19] для их последующего описания и объяснения. Широта объема термина «жертва политического преступления» во многом связана с методологией их познания, в том числе с типологией и классификацией жертв различных групп политических преступлений.

В предложенных выше определениях группировка жертв преступлений проведена по такому общепринятому в юридических науках критерию как правовой статус. По избранному нами критерию все жертвы политических преступлений могут быть условно разделены на несколько самостоятельных категорий (групп): физические лица; юридические лица; социальные группы (общности); государственные или общественные институты; государство и общество; международное сообщество.

О том, что жертвой политического преступления может стать физическое лицо, ни у кого из специалистов не вызывает сомнений, разногласий и дискуссий. Действительно, непосредственной жертвой различного рода политических преступлений и некриминализованных общественно опасных процессов является, как правило, физическое лицо (человек). Только ему может причиняться физический вред от многообразных политических преступлений (актов терроризма, развязывания и ведения агрессивной войны, осуществления вооруженных мятежей), моральный и материальный вред от фальсификации результатов общенациональных, региональных или муниципальных выборов и референдумов (электоральной преступности), злоупотреблений властью и политических репрессий (государственного террора или тоталитарной преступности).

Современная отечественная криминальная политическая виктимология как межотраслевая частная виктимологическая теория, выставляя или «назначая» главной жертвой политических преступлений человека и формируя ее антропологическую составляющую, не должна забывать и о том, что вред от их совершения может быть причинен не только ему, но и юридическим лицам (корпоративная составляющая). Например, в результате совершения террористического акта или диверсии материальный вред может быть причинен не только человеку, но и хозяйствующему субъекту, государственному учреждению или общественной организации. Кроме того, может быть подорвана деловая репутация юридического лица, связанная с профессиональной пригодностью (возмож-

ностью надлежащим образом исполнять свои профессиональные или функциональные обязанности), то есть может быть причинен так называемый «репутационный» вред [17, 26]. Подтверждением тому может служить захват представителями незаконных вооруженных формирований осенью 2005 года в Нальчике помещений, в которых размещались подразделения органов внутренних дел, приведший не только к причинению зданиям милиции существенного имущественного ущерба, но и как следствие подорвавший доверие к правоохранителям со стороны значительной части населения этого города и региона.

Очевидно, что непосредственной жертвой политических преступлений и злоупотреблений политической властью могут стать не только отдельные физические и/или юридические лица, но и крупные социальные группы, объединенные по различным причинам объективного и субъективного характера. Жертвами таких видов политических преступлений, как геноцид или злоупотребление властью, могут стать не только отдельные, относительно небольшие социальные группы, но и целые народы. Об этом свидетельствуют ещё не забывшиеся в мировом сообществе недавние события прошлого XX века. Например, жертвами нацистских преследований в фашистской Германии и за её пределами (на захваченных немцами территориях) стали этнические евреи: геноцид против них именуется Холокостом, а жертв этого геноцида, как правило, даже в официальных документах правового характера называют жертвами Холокоста [18].

В Советском Союзе жертвами политических репрессий были различные социальные группы граждан этого государства, преследовавшиеся органами политической юстиции по идеологическим основаниям. В зависимости от пристрастий «выбирали» жертву по таким критериям, как: по прошлому или действующему социальному статусу (бывшие военнопленные [19], представители казачества [20]), по этнической принадлежности (российские немцы [21], якуты [22], финны [23], корейцы [24], представители других народов [25]); по партий-

ной принадлежности (эсеры, меньшевики и др.), по отношению к религии (священнослужители и верующие) [26] либо получившие специальную «метку» (клеймо) – «враг народа» [27, 14–16], «кулак», «подкулачник» и др.

Современные реалии свидетельствуют о наличии большого количества вооруженных межнациональных и межгосударственных конфликтов на различных континентах. К примеру, жертвами югославского вооруженного этнического конфликта на Балканах в 1992–1995 годах стали около 100 000 человек различных национальностей и вероисповеданий, погибших в этой войне [28]. Но это еще не все потери. До сих пор невозможно подсчитать, сколько человек получили ранения, контузии, лишились имущества и прав на него в результате этой войны, сколько юридических лиц лишились своего имущества в результате его умышленного и неосторожного уничтожения или повреждения. Невосполнимые потери понесли религиозные христианские учреждения на территории Косово.

О вредности межгосударственных вооруженных конфликтов и войн свидетельствует официальная статистика, криминологические [29, 231] и социологические исследования [30]. Например, жертвами агрессивной войны становятся и признаются не только различные категории военнослужащих, погибших при защите национального государства и его интересов [31], но и мирное население, попавшее под обстрелы или бомбежки либо по различным причинам оказавшееся на оккупированной территории.

Жертвами злоупотреблений политической властью, вооруженного мятежа, насильственного захвата или удержания государственной власти, помимо физических и юридических лиц, могут стать государственные и общественные институты, существовавшие в национальном государстве и обществе, которые противоправно ликвидируются или их деятельность временно приостанавливается, а они заменяются новыми с аналогичными функциями.

Так, большевики, противоправно захватив власть в свои руки, уничтожив царскую семью, возможно, навсегда покончили с институтом

престолонаследия в России. Они же, отменив действовавшие ранее нормы российского права, заменили их пролетарским сознанием и партийно-правительственными директивами, а эффективную судебную систему – системой чрезвычайных судов – трибуналов, в более позднее время – «особыми совещаниями», «тройками», «двойками» и иными органами, осуществляющими судебные функции, но не правосудие. В результате таких институциональных изменений опосредованными жертвами коммунистического тоталитарного режима стало почти всё население Советского Союза, лишенное права на беспристрастный и справедливый суд по защите своих прав, свобод и законных интересов.

Безусловно, национальные государства и общество можно признавать жертвами политических преступлений. Так, жертвами агрессивной Второй мировой войны являются не только государства, пострадавшие от агрессивных действий фашистской Германии, но и образовавшиеся после её послевоенного раздела новые немецкие государства ФРГ и ГДР, а также само немецкое общество, которое было искусственно разделено на восточных и западных немцев. Это искусственное разделение Германии длительное время препятствовало реализации социально-экономических, культурных и иных прав и свобод граждан этих сопредельных государств. Кроме того, до настоящего времени уже объединенное немецкое государство через уполномоченных на то лиц вынуждено выплачивать жертвам фашистского политического режима, проживающим на территории бывшего Советского Союза, в том числе и в Российской Федерации [32].

Нам представляется, что жертвами агрессивной войны следует признавать государства, принимающие военные и иные меры по защите своих национальных территорий от оккупации. Они и после войны ещё длительное время несут материальные затраты на поддержание воинских захоронений и увековечение памяти погибших защитников Отечества [33].

Считаем, что жертвы политических преступлений, в первую очередь международных,

может стать международное сообщество и его институты. Развязывание и ведение агрессивной войны между бывшими союзниками может прекратить существование международной организации или союзного государства и многих других международных правительственных и неправительственных организаций. Это обстоятельство, несомненно, причинит значительный ущерб международному сотрудничеству государств и народов, значительно ограничит права и свободы жителей, населяющих эти государства.

В связи с изложенным можно предположить, что термин «жертва политического преступления» – охватывает широкий круг субъектов, которым в результате совершенного политического преступления непосредственно или опосредованно причиняется физический, материальный (имущественный) или моральный вред, либо подрывается их деловая и/или политическая репутация. К жертвам политического преступления следует отнести и тех лиц, в отношении которых совершаются деяния, существенно нарушающие или ограничивающие их социально-экономические, культурные и иные права и свободы.

Предложенная нами дефиниция – «жертва политического преступления» является рабочим, инструментальным определением. Это определение не претендует на истинность и окончательность. Выработка определения «жертва политического преступления» является важным, но не единственным объектом исследования криминальной политической виктимологии, который нуждается в дополнительном обосновании и познании с учетом закономерностей формирования этого межотраслевого направления криминологических знаний.

Выработанная нами классификация жертв политических преступлений на виды по правовым основаниям не является единственной, существует и много других.

Надеемся, что выработанные нами дефиниция «жертва политического преступления» и основания классификации жертв политических преступлений на виды в дальнейшем помогут исследователям более точно определить грани-

цы и содержание этого виктимологического явления и научной категории.

Список литературы

1. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002.
2. Ким Е.П. Виктимология: проблемы теории и практики: учебно-метод. пособие. – Хабаровск, 2004.
3. Мойсюк О.М. Виктимологическая профилактика нарушений безопасности дорожного движения Украины (ст.215 УК Украины): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1999.
4. Ильин И.В. Виктимология: как не стать жертвой // Автостоп. – 1999. – №5 (108). – С. 5.
5. Черных Е.В. Виктимологическая характеристика и предупреждение тяжкой насильственной преступности: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск: Восточно-Сибирский юрид. ин-т МВД РФ, 2006.
6. Будякова Т. Потерпевший: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и виктимологический анализ понятия // Уголовное право. – 2006. – №4. – С. 109–113.
7. Таюрских Е.А. Виктимологическая характеристика и профилактика дорожно-транспортных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук – Иркутск, 2006.
8. Франк Л.Ф. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. – Душанбе, 1977.
9. Полубинский В.И. Практические аспекты криминальной виктимологии. – М.: Знание, 1982.
10. Устинов В.С. Криминология: учеб. пособие. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2001.
11. Ильин И.В. Виктимологическая профилактика экономического мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2000.
12. Зыков Д.А. Виктимологические аспекты предупреждения компьютерного мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2002.
13. Лалетова М.В. Анализ понятий криминологии и виктимологии методом инверсии: лекция. – Кстово, 2004.
14. Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal Justice system / E. Viano // Scandinavian studies on crime and crime prevention. – 1996. – Vol.5. – №2. – P.180-202.
15. Шнайдер Г.Й. Криминология; пер. с нем. О.В. Ильина. – М.: Прогресс, 1994.
16. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений – М.: NOTA BENE, 1999.
17. Дьяченко Е.М. Деловая репутация юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
18. Об отнесении денежных средств, выплачиваемых Российской Федерацией жертвам Холокоста, к материальной помощи: Постановление Правительства Российской Федерации от 10 мая 1999 года №522 //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №21. – Ст.2623.

19. О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репрессированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период: Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 1995 года №63 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №5. – Ст. 394.

20. О реабилитации казачества: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июня 1992 года // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – №30. – Ст.1805.

21. О неотложных мерах по реабилитации российских немцев: Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 1992 года №231 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – №11. – Ст.548.

22. О восстановлении справедливости в отношении репрессированных в 20-30-е годы представителей якутского народа: Указ Президента Российской Федерации от 26 апреля 1994 года №834 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №1. – Ст.3.

23. О реабилитации российских финнов: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 29 июня 1993 года // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – №29. – Ст.1119.

24. О реабилитации российских корейцев: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 1 апреля 1993 года // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – №15. – Ст.529.

25. О первоочередных мерах по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов Дагестанской АССР: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 января 1992 года №40 // Библиотека «Российской газеты». – 1995. – №1. – С.103.

26. О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий: Указ Президента Российской Федерации от 14 марта 1996 года №378 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №12. – Ст. 1063.

27. Померанец Г. Враг народа // Век XX и мир. – 1991. – №6. – С.14-16.

28. Белоусов В. Босния не забыла о соседях // Российская газета. – 2006. – 28 февр.

29. Зелинская Н.А. Политические преступления в системе международной преступности – Одесса: Феникс, 2003.

30. Серебряков В.В. Социология войны – М.: Новый мир, 1997.

31. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: Закон РФ от 14 января 1993 года №4292-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – №7. – Ст.245.

32. Положение об условиях выплаты компенсаций лицам, подвергшимся нацистским преследованиям // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №15. – Ст.1796.

33. Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества: Указ Президента РФ от 22 января 2006 года №37 // Новые законы и нормативные акты. Библиотечка «Российской газеты». – 2006. – №6. – С.82.

В редакцию материал поступил 12.12.06.